

Л.М. Васильев. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Сборник избранных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.

Книга Л.М. Васильева включает в себя избранные статьи, тезисы и заметки, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях в период с 1961 по 2005 г. В них автор рассматривает устройство и функционирование языка как знаковой системы, природу и типы языковых значений, значимостей, функций, взаимоотношение языка и мышления, границы языкового и неязыкового знания, сущность когнитивных, семантических, грамматических категорий и мн. др. В соответствии с тематикой статьи объединяются в шесть разделов: общая лингвистика, славистика, русистика, ме-

тоды современной лингвистики, история языкознания и персоналии. Написанные в разное время, они, тем не менее, способствуют раскрытию целостной концепции.

С точки зрения Л.М. Васильева, язык состоит из трех формальных знаковых систем: фонетической, лексико-грамматической и семантической. Единицы плана выражения и плана содержания, каждый из которых имеет свою внутреннюю и внешнюю форму, существуют относительно самостоятельно и связаны друг с другом функционально-репрезентативными отношениями. Так, фонетические единицы ре-

презентируют лексико-грамматические (и те, и другие характеризуются определенной внешней и внутренней оформленностью), лексико-грамматические единицы репрезентируют семантические («внутреннюю форму» плана содержания), которые, в свою очередь, представляют неязыковое мыслительное содержание (внешнюю форму плана содержания). Принципиально новым здесь является придание семантическим единицам языка статуса знаковых наряду с формальными. Как отмечает автор, к мысли о необходимости расщепления глобального знака на его реальные составные компоненты приходят многие ученые, «но не все решаются сделать этот шаг. А сделать его нужно, ибо этого требуют интересы науки» (с. 67). Сомнение в правомочности объединения в пределах одного знака двух различных по своей природе – материальных и идеальных – единиц выражается в статье «Природа и типы языковых знаков» (1975), здесь же обобщаются и критически оцениваются положения основных семиотических концепций. Опираясь на идеи А.А. Потебни, Е. Куриловича, А.Г. Волкова и И.А. Хабарова, анализируя многочисленные данные об асимметрии семантических и формальных единиц, Л.М. Васильев приходит к мысли о том, что язык представляет собой систему разнородных знаковых подсистем, и раскрывает собственное понимание природы и устройства языка.

Итак, согласно мнению автора, в каждом стратуме (семантическом, лексико-грамматическом и фонетическом) выделяются нулевой уровень (уровень структурных компонентов основных знаковых единиц), уровень основных (простых) знаковых единиц и уровень синтагм (сложных знаковых единиц). Основной единицей семантического стратума является семема, лексико-грамматического – словоформа, фонетического – звукотип. Семеме структурируют семы (элементарные, далее неделимые компоненты) и семантические множители, отражающие ее деривационные связи. Структурные компоненты словоформы – морфы и грамматические множители, а звукотипа – интегральные и дифференциальные фонетические признаки. Сочетания простых знаковых единиц образуют различные типы конкретных фонетических, лексико-грамматических и семантических синтагм (сложных знаков). В каждом стратуме и уровне имеются также подуровни абстрактных знаковых единиц: фонем и морфем, типоформ, лексем, абстрактных лексико-грамматических синтагм (формальных моделей словосочетаний и предложений) и абстрактных семантических синтагм (моделей построения конкретных семантических синтагм) и др. (см. с. 119; ср. с. 63–65). Таким

образом, знаками автор считает все автономные единицы языка, главной их знаковой функцией – репрезентативную: способность представлять другие знаковые единицы; а важнейшими их свойствами – информативность, социальную значимость, дискретность и структурность (с. 66, 119, 120). Предлагаемая модель, конечно, гипотетична. Однако, с нашей точки зрения, ее достоинствами являются непротиворечивость, обоснованность, универсальность и согласованность с данными по нейролингвистике и теории информации. Последовательно разграничивая формальные и содержательные знаки языка, Л.М. Васильев приводит достаточно убедительные аргументы: одно и то же содержание может выражаться различными формальными средствами, форма и значение могут изменяться в истории языка независимо друг от друга, во всех языках существуют асемантические единицы.

Интерпретация значений и семантических синтагм как самостоятельных знаковых единиц позволила Л.М. Васильеву выработать особый подход к определению их сущности, к их типологии и к описанию семантической структуры языка. С его точки зрения, с е м е м а – это языковое значение, сложный комплекс взаимосвязанных лексических, словообразовательных и грамматических содержательных компонентов (сем и семантических множителей). Исследователь считает неприемлемым релятивистское понимание значения – как отношения к денотату, сигнификату, к другим знакам, к говорящему, речевой ситуации и т.д., поскольку знаки языка не соотносятся с соответствующими предметами или явлениями действительности непосредственно, минуя их отражение в сознании человека (с. 185–186). По своей природе языковые значения являются психическими, отражательными сущностями, подобно понятиям и представлениям; они служат для репрезентации в языке неязыкового мыслительного содержания (с. 23, 79–80). Реляционные же свойства языковых единиц образуют совершенно иной тип языкового знания – з н а ч и м о с т и.

Необходимо отметить, что семантическая теория Л.М. Васильева формировалась в практике сопоставительного анализа содержательных единиц многих языков¹, в его работе над семантическим словарем [Васильев 2005]. В соответствии с этой теорией семемы имеют чаще всего сложную внутреннюю структуру: их ядром служит, как правило, понятийное содержание, а различные коннотации составля-

¹ См. разделы книги «Категории языка», «Славистика», «Русистика».

ют периферию (с. 132). По соотношению структурными элементами словоформы выделяются лексические, словообразовательные и грамматические компоненты семем; по способу манифестации содержания – эксплицитные и имплицитные; по типу отношений между единицами, в основе которых они лежат, – парадигматические и синтагматические; по характеру отношений между ними внутри семемы – доминирующие и зависимые; по отношению к идентифицирующему значению того или иного семантического класса или функционально-семантического поля – ядерные и периферийные и т.д. (с. 111–112, 149–152). Как справедливо отмечает Л.М. Васильев, целесообразно говорить о семантической структуре не только многозначных, но и однозначных слов (с. 132). Значения же полисемантов представляют собой класс (поле) семем, соединенных иерархическими (привативными, эквивалентными) или комплементарными связями, следовательно, они предстают как «сети таких отношений, непосредственных и опосредованных, узлы которых соответствуют отдельным значениям», причем «общий» (инвариантный) компонент не является обязательным для всех значений многозначного слова (с. 136–137).

В традиционной лингвистике принято разграничивать лексические и грамматические значения, однако, по мнению Л.М. Васильева, различие между этими сущностями состоит не в степени их абстрактности и не в логико-содержательной их природе, а в способах выражения (с. 20, 203–204, 215; ср. [Виноградов 1947: 38]). Неопределенность границ между данными типами значений, с точки зрения автора, объясняется тем, что в самом языке они не существуют как самостоятельные единицы, а «являются результатом искусственного отвлечения тех или иных структурных компонентов (сем или семантических множителей) от реально существующих в языке конкретных семантических единиц» (с. 127–128). Что касается коннотативных компонентов значения, которые наслаиваются на понятийное содержание и которые «трудно или вообще невозможно выразить в конкретных понятиях», то главной их особенностью является образный, экспрессивный характер, а также преимущественная соотносительность с семантическими категориями и полями эмоциональности, оценочности, градуативности, компаративности и «обстоятельности». В соответствии с этим Л.М. Васильев выделяет коннотативы-эмотивы, коннотативы-эвалюативы, коннотативы-градуативы, коннотативы-компаративы и обстоятельственные коннотативы (с. 180–184). К семантическим коннотациям он не относит так называемые «стилистические значе-

ния» («книжность», «разговорность», «просторечность» и т.п.), связанные со сферой употребления, справедливо считая их значимостями, а не оттенками значений.

Автор называет три основных типа языковых значений: 1) номинативные (предметно-логические, дескриптивные, денотативно-сигнификативные); 2) интерпретирующие; 3) дейктические². Номинативные значения отражают свойства реальных действительности, выполняя идентифицирующую и характеризующую функции. Интерпретирующими являются прежде всего модально-оценочные значения и различные коннотативные компоненты, в том числе метафорические. Дейктические значения – это значения местоимений, артиклей, служебных частей речи, грамматических категорий и различных средств коммуникативного аспекта высказывания (с. 167–168). Таким образом, дейктическое пространство языка в представлении Л.М. Васильева существенно расширяется³: «Есть основания думать, что дейктическую функцию в той или иной мере выполняют все языковые значения (в наибольшей мере – абстрактные, в наименьшей – конкретные), ибо любые языковые значения прежде всего указывают на границы обозначаемого, очерчивая их путем выделения тех или иных свойств, и лишь потом отображают, моделируют внутреннюю структуру денотата, связывая ее с нашими представлениями и впечатлениями об отражаемом в сознании объекте» (с. 167). Очевидно, в этом и заключается суть репрезентации значением неязыкового содержания.

Внешняя структурная оформленность языковых значений, т.е. их парадигматические, синтагматические и деривационные связи с другими значениями, обусловлена в первую очередь их внутренней структурой (с. 113): «Надо со всей решительностью подчеркнуть, что не семантические поля обуславливают существование отдельных значений (семем), а, наоборот, семантические поля (семантические классы) формируются, конституируются и предопределяются структурными особенностями отдельных значений» (с. 137). В двух важных для семантики статьях «Теория семантических полей» (1971) и «Типы семантических полей по их структуре и способам репрезентации» (1988) Л.М. Васильев обобщает

² В ранних его работах представлены иные типы (с. 18, 153–155).

³ Общепризнанными дейктиками являются лишь местоимения, Н.Ю. Шведова относит к дейктическим также некоторые группы глаголов (см. [Шведова 1999]).

опыт зарубежных и отечественных исследований и представляет собственное понимание того, каким образом структурируется семантическая система и как она должна изучаться.

Мысль о тождественности языкового значения, значимостей и функций и о необходимости отграничения этих типов языкового знания от неязыковых знаний, которую автор настойчиво проводит через все свои работы, является, без сомнения, важной, т.к. содержание данных понятий (в силу их тесной взаимосвязи) в лингвистике часто смешивается. Поначалу Л.М. Васильев, как и многие другие ученые, рассматривал значение как семантическую функцию (см. с. 110, 186), однако позже он стал трактовать его как субстанциональную (идеальную) единицу языка, способную выполнять те или иные функции (с. 24–25). Если значения – это единицы языкового содержания, то функции – это роль, назначение единиц языка, в том числе семантических. Так, по типологии автора, наряду с важнейшей – репрезентативной – функцией, языковые единицы могут выполнять ономастическую, конструктивно-грамматическую, логико-синтаксическую, коммуникативно-синтаксическую, стилеобразующую, дейктическую, метаязыковую и др. функции. Значения служат прежде всего для выражения неязыкового мыслительного содержания, таким образом, по отношению к нему они выполняют семиотическую функцию. При этом Л.М. Васильев считает неприемлемым включение в понятие значения речевого, контекстуального, смысла, поскольку это ведет к неоправданному субъективизму в исследованиях. «Речевой смысл, – отмечает он, – является сферой взаимодействия языкового и неязыкового знания», системные значения – это, по сути, внутренняя форма неязыкового содержания (с. 75)⁴. В процессе актуализации происходит не просто индивидуализация, конкретизация языкового значения, модификация или семное варьирование, а «активное взаимодействие его интенционального содержания (номинативного, модального и коннотативного) с невыраженным в этом значении знанием об обозначаемом, с его импликационалом (семантическим потенциалом)», обусловленное ситуацией высказывания (с. 45, 111).

⁴ Речевой смысл слова *мужчина* богаче его системного значения, например, в высказываниях *Не бойся, ведь ты же мужчина* (актуализируется представление говорящего о мужчине как о смелом человеке) или *Вот это мужчина!* (актуализируются признаки, входящие в понятие об идеальном мужчине) (с. 44).

Значимостями автор называет отраженные в сознании говорящего в виде специфического знания свойства языковых единиц, обусловленные их статусом в системе языка и речемыслительной деятельности. Такие знания часто являются интуитивными, их сложно отграничивать от знаний о значениях и функциях, возможно, поэтому в лингвистике до сих пор нет единой типологии значимостей. В ряде статей Л.М. Васильев намечает собственную классификацию значимостей, которая впоследствии может быть доработана. Он выделяет парадигматические, синтагматические, этимологические, деривационные, стилевые, статистические и темпоральные значимости (с. 24, 36, 120, 186)⁵. Поскольку значимости, как и функции, характеризуют все языковые единицы, они могут быть формальными и семантическими. Теория значимостей находит удачное применение в решении автором вопросов лексической и грамматической синонимии: синонимы как тождественные семантические единицы языка могут различаться либо своими коннотациями, либо значимостями (с. 423, 427)⁶.

Итак, значения, значимости и функции, с точки зрения Л.М. Васильева, – это «три разных типа знания языка, благодаря которым любая его единица является для говорящего осмысленной» (с. 111). Противопоставление их неязыковым знаниям позволяет исследователю более четко определить предмет и задачи лингвистической семантики (в отличие от когнитивной): она должна изучать лишь языковое содержание и способы представления в языке человеческих знаний, опыта. Вопрос о том, какие знания относятся к языку и организуют его семантические и грамматические модели, а какие находятся вне системы языка, шире – о соотношении языка и мышления, се-

⁵ Статусные свойства сем, выделенные М.В. Никитиным в [Никитин 1983: 48], отчасти перекрещиваются с данными типами, отчасти дополняют типологию Л.М. Васильева (Л.М. Васильев понятие значимости трактует шире: статусные свойства присущи всем единицам языка).

⁶ Думается, что значимостями различаются и так называемые абсолютные синонимы: *лингвистика* – *языкознание* – *языковедение* (различаются генетической и темпоральной значимостью), *бегемот* – *гиппопотам* (различаются генетической и фонетической значимостью), *килограмм сахара* – *килограмм сахару* (различаются стилевой значимостью) и т.д. Таким образом, абсолютного тождества между ними все-таки нет.

мантических, грамматических, понятийных и когнитивных категорий. – рассматривается в статьях, включенных в разделы «Язык и сознание», «Категории языка», а также, с привлечением богатого фактического материала, – в разделах «Славистика» и «Русистика».

Разграничение языковых и неязыковых знаний, по твердому убеждению автора, носит принципиальный характер, т.к. оно показывает отличие языка от других знаковых систем, в которых тоже закрепляются и хранятся человеческие знания. Языковые знания являются частью всего познавательного опыта человека, это прежде всего знание языковых единиц, их взаимоотношений, правил их употребления, языкового содержания, формы, значимостей и функций (с. 208). Реальность существования категорий, структурирующих языковые и неязыковые знания, у ученых не вызывает сомнения, однако в лингвистике пока нет строгих их дефиниций, а тем более исчерпывающего описания. Автор рецензируемой книги определяет важнейшие свойства, границы, взаимоотношения этих категорий и намечает подходы к их изучению.

Так, с точки зрения Л.М. Васильева, единицами, организующими неязыковые знания человека, являются когнитивные категории, весьма сложные и многообразные по своему концептуальному, перцептивному и эмоциональному содержанию. Понятийные же, семантические и грамматические категории представляют собой разные аспекты языковой семантики, так или иначе соотносящиеся с неязыковым мыслительным содержанием. Понятийные категории составляют ядро когнитивных, вместе с тем они могут быть абсолютно тождественными семантическим категориям; как отмечает автор, «понятийные категории – это семантические категории, “очищенные” от всяких образных (эмпирических, перцептивных) и коннотативных (экспрессивных, эмоциональных, ассоциативных) наслоений» (с. 223). Но, в отличие от понятийных, семантические категории имеют языковую реализацию, т.е. они воплощены в конкретных лексических, грамматических и фонетических средствах, тесно связаны со сферой коннотаций, структурных значимостей и функций. «Семантические категории, – подчеркивает Л.М. Васильев, – пронизывают весь строй языка: они лежат в основе всех семантических полей и классов, входят во все лексические и грамматические значения, организуют содержание всех синтаксических конструкций. Типы их разнообразны: они различаются по степени абстрактности, объему и структуре своего содержания, внешними средствами своего выражения, характеру взаимоотношения друг с

другом» (с. 208). К абстрактным, логически неопределяемым через более общие категории, автор относит семантические категории бытия, признака, отношения, состояния, количества и т.п. Они соотносятся с такими общими понятиями, которые образуют базовую концептосферу языка, его «семантическую грамматику». Менее абстрактны категории множества, величины, степени (градуативности) и под. (их обычно называют субкатегориями). Семантические категории функционируют в связанном виде, выступают в качестве структурных компонентов значений; являясь их маркерами, образуют разнообразные комбинации, например, в состав лексического значения *догонять* входят семантические категории движения, скорости, цели, контакта и субъекта (с. 258). Таким образом, языковые значения чаще всего представляют собой результат синтеза категориальных сем, относящихся к разным семантическим категориям. «И это является, пожалуй, главной причиной пересечения и активного взаимодействия различных семантических полей, причиной наличия в них центра, представленного идентифицирующей семантической категорией поля, и периферии, представленной семантическими категориями или отдельными семами, входящими в состав других полей» (с. 284).

Важнейшее свойство семантических категорий, по мнению автора, – диффузность, обусловленная тем, что они указывают на объекты мысли, не имеющие четких границ (время, например, непрерывно и бесконечно), и одно и то же явление действительности человек может соотносить с разными семантическими категориями. Например, изменение чьего-либо положения в пространстве может мыслиться как движение (*идти, бежать*), как действие (*садиться, прикручивать*), как процесс (*кипеть, бродить*), как состояние (*быть в состоянии движения, падения*) и как свойство (*Гайка не прикручивается*) (с. 258). «В ментальных структурах, – отмечает исследователь, – семантические категории нередко совпадают с когнитивными категориями, служащими формальной базой (схемой, моделью) абстрактных концептов», тем не менее их следует разграничивать, «ибо семантические категории по отношению к когнитивным категориям выполняют знаковую (дейктическую) функцию, т.е. представляют их и соотносительные с ними концепты в языке» (с. 259).

В ряде статей Л.М. Васильев описывает конкретные семантические категории предикативности, модальности, экспрессивности, эмоциональности, градуативности, состояния, оценочности и др. Автор часто нетрадиционно трактует природу названных категорий. К при-

меру, большинство лингвистов определяет оценку через концепт ценности – как ценностное отношение (см. работы Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Л.А. Сергеевой и др.). Однако, по справедливому замечанию Л.М. Васильева, многие имена ценностей не являются оценочными (*золото, дорогой товар, художественная резьба*), поэтому оценка – это скорее значимостное отношение, «это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д.» (с. 247). Таким образом, главным в этой категории является мнение о соответствии / несоответствии «оцениваемого» (квалифицируемого) нормативному идеалу, образцу, в том числе и каким-либо ценностям, а это мнение говорящего составляет уже не первое, объективное членение мира, а второе – субъективное его членение⁷. Исходя из данного понимания, автор, конечно, иначе, чем другие исследователи, определяет состав единиц семантического поля оценки.

Грамматические категории, по мысли Л.М. Васильева, – это в своей основе семантические категории (глубинные сущности), подвергшиеся в той или иной степени формализации. Взаимосвязь и взаимодействие понятийных, семантических и грамматических ка-

⁷ Пожалуй, трудно согласиться с автором в одном: в том, что оценка мотивирована не знанием, а мнением: мнение о полезности / бесполезности, этичности / неэтичности и т.п. может быть основано на знании (объективном или субъективном) свойств оцениваемых предметов, явлений (см. с. 380).

тегорий «отражают сложное движение мысли от неязыкового мыслительного содержания к языковому как внутренней форме его представления и от языкового мыслительного содержания к внешним формам его выражения (внешней форме)» (с. 214).

В целом книга отличается нестандартностью подхода, который, с нашей точки зрения, является весьма плодотворным и требует серьезного осмысления. С учетом даты первичного издания материалов сборника становится очевидной их новизна и значимость для развития науки. Конечно, с позиций современного знания можно было бы оспорить некоторые утверждения автора. Но, думается, их не следует отделять от общего контекста, т.к. они наглядно иллюстрируют смену научных парадигм в лингвистике и эволюцию взглядов самого исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев 2005 – Л.М. Васильев. Системный семантический словарь русского языка. (Предикатная лексика). Уфа, 2005.
 Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
 Никитин 1983 – М.В. Никитин. Лексическое значение слова. М., 1983.
 Шведова 1999 – Н.Ю. Шведова. Теоретические результаты, полученные в работе над русским семантическим словарем // ВЯ. 1999. № 1.

Е.Е. Хазимуллина